

МАРК ГРЕСЬ

МОЯ ЛЮБОВЬ

РОМАН

**ХАРЬКОВ
«ФОЛІО»
2018**

*Хомяк живет три года, и любовь живет три года.
Хочешь узнать, когда умрет любовь, — купи хомяка.*

*Из книги «Наставления августейшему наследнику»
короля Пхумипона Адульдета Рамы-9*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то, много-много лет назад, одному маленькому мальчику удалось выклянчить у папы с мамой хомячка. Божась самыми страшными клятвами, дитя обязалось хорошо учиться, слушаться, чистить зубы, делать зарядку, а заодно кормить животное, чистить клетку и осуществлять дрессуру. Увы... Зароки оказались благополучно похереными.

Клясться — грешно. За каждый грех — да воздастся! Младенческое словоотступничество в будущем аукнется герою беспокойной и неупорядоченной жизнью (и по смерти быть ему проглоченным Левиафаном).

Хомяк Борька также коротал свой век черт-те как. И не кормленным бывал, и непоенным, и спал в кизяках. Оттого рос вонючим, кусючим, склонным к побегу.

Прошло три года. Уж не знаю, Борис, молод ты или стар? Сладко тебе живется иль худо? Жрешь себе и жрешь, спишь себе и спишь, гадишь — и гадишь. Только вот одним прекрасным утром — бряк!!!

Солнечный лучик играет на стеклянных стенках трехлитровой банки из-под томатного сока, на ворохе сена сохнет кашка, Борис лежит на боку, задрал одну лапу вверх, в глазах — отсутствие интереса к жизни, а по замутневшей роговице ползает какая-то мошка.

В отличие от хомяка, любовь умирает показно, картинно, чихая и кашляя, теряя зубы и волосы, с поочередным отказом жизнетворящих органов.

Хозяину Борьки доводилось любить: горячо, выпренно, ревниво, с мазохистической мечтой о холодном лезвии бритвы. Но пролетали год, другой, и влюбленный начинал примечать, что у божества ноги недобриты, дыхание не пьется полной чашей, не так мила ее болтовня, и у чужой бабы сиськи посвежее. А к исходу третьего года — высокого чувства как не бывало. И в первый раз так было, и во второй, и в третий... Тысячу раз прав благородный Пхумипон Адульядет Рама-9.

Дожив до сорока шести годков, бывший мальчик решил написать роман... о революции. О стремительных атаках и позорном бегстве, о дымящейся крови и парящих чанах с майдановским борщом, о титушках и волонтерах, о заунывном пении гимна и буйстве радости от моря огня. Об известнейших политиках: Олеге Ляшко и Петре Порошенко, об Игоре Мосийчуке и Владимире Кличко, об Андрюхе Лозовом и Арсении Яценюке. О знаменитых мерзавцах и безымянных героях, чьи лица скрывали черные балаклавы революции. Но когда слова начали складываться в предложения — стало ясно, что рано или поздно повествование упрется в перечень всем известных дат, в череду проверенных и непроверенных фактов. Одними мемуарами больше — одними меньше. Чтобы копание в воспоминаниях не казалось таким скучным, пришлось придумать любовь.

Тайский король говорил, что любовь живет три года, и хомяк живет три года. По закону жанра любовь не может пережить революцию. А то пошленько как-то выйдет. (Ну, не умерла бы Инесса Арманд от холеры и пролюбилась с Лениным до старческого слабоумия — мещанство.) Продлись революция тысячу девяносто пять дней — no problem, все б сошлось... Три года вселенских потрясений и три года любви. Но... наша революция родилась с генетическим дефектом прогерии — преждевременного старения. (Новорожденное дитя розовощеко, сиську сосет — аж за ушами трещит. Только вот щелкнет пальцами Демиург, и хищный младенец начинает стреми-

тельно превращаться в пошлого, безвольного, травоядного дедульку.)

В книгах судеб украинскому бунту от рождения до старческого бессилия был отведен всего лишь год. Год робингудства и мародерства, великодушия и малодушия, пустых жизней и славных смертей. Чтобы уравнять по сроку революцию и придуманную любовь, автору пришлось по-жульнически щелкнуть пальцами. Так что хомячку моей любви придется прожить жизнь яркую, радостную, словообильную, но... скоротечную, как чахотка...

Да... Неплохо бы разукрасить повествование. Как-то разбавить запах гари, слезоточивого газа, просанных подъездов, портяночного духа и крови. Для этого хитрый автор и нанизал известную всем цепь событий на выдуманную поездку в Таиланд. (Хотя это путешествие — не совсем выдуманное. Оно действительно случилось когда-то, очень давно, с другой невыдуманной девушкой, но при совсем иных обстоятельствах — легко, курортно, весело, без намека на надрыв.) Все остальное — люди, события и хронология изложены настолько честно, насколько честной может быть мать-история. Удалось ли сплести несплетаемое — судите сами.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Дверь самолета со сладким стоном раскрылась, и в салон ворвался густой влажный воздух. Вдыхаешь, и будто пьешь вязкий кисель из водицы, пота, запаха чемоданной кожи и чего-то цветочно-приторного. Здравствуй, Таиланд, незнакомая страна, куда мы сбежали на десять дней от хмурого киевского неба, слякоти, искалеченных елок, воя сирен, паленых покрышек и очень значимых людей в камуфляже.

В шипах моих кроссовок, шлепающих по свежевывытым плитам аэропорта Суварнабхуми, еще прячутся комки родной украинской грязи, а в волосах той, что со мной, поблескивает полоска привезенного с родины новогоднего дождика. *Руки бы пообрывал тем, кто решил поднять измученным пассажирам Борисполя настроение пляшущими девами в сверкающих стразами трусах. Ну, почему бегущий из мрачного Киева человек должен испытывать восторг от сыплющегося на голову конфетти и фольгированных кизяков?*

Все!!! Довольно!!! Девять с половиной часов назад я еще был активным членом общества, а теперь — просто фаранг, полутело-полуматрац, бездумное существо, которое можно и должно обманывать. Но от этой нирваны туриста отделяет еще пару часов терзаний в очередях паспортного контроля, визового окошка и таможни. (Всего пара часов, стоящих пару полновесных лет жизни.)

Полсутки — без единой затыжки. Это почти фатально для насквозь прокопченного организма. Явись в сей момент Блаженный Августин, смиренный Махатма Ганди или сам граф Толстой — горемыка пойдет ныть не о «непротивле-

нии злу», а о жгучей ненависти к всесильному некурящему меньшинству.

Обычно в мечтаниях о крупной и даже мелкой мести я холодно последователен и изощренно жесток, но теперь фантазия бесхитростно сует в руки неандертальскую дубину с уродливыми шишаками, и крушит та дубина каленое стекло витрин, бамбуковые кадки и гипсовые мордахи крашенных золотом сиамских истуканов.

Чертов аэропорт Бангкока!!! Километры эскалаторов, сотни магазинов, десятки тысяч курящих людей — и ни одной зоны для курящих... Даже в крошечном Борисполе есть одна застекленная комнатуха с рядами пепельниц. (Только бы не закрыли.) В полутора часах лета от Киева (скажем, в городе Москве) таких комнат нет. Но, как говорил великий Салтыков-Щедрин: «Изуверство российских законов компенсируется возможностью их невыполнения». На дверцах московских туалетов начертано: «Курить запрещено, штраф — 500 рублей». Угроза штрафа дарит возможность выбора: смело кури либо оставайся «тварью дрожащей».

Ведь сидит же в нас эта «тварь дрожащая» со святого младенчества. И хочется разрисовать соплями новые обои, а тварь шепчет: «Сморкайся в тряпочку, сопли не для рисования, воспитательница увидит — в угол поставит». Ну и чего же страшного в этом углу? Сочленение стен, и только... А тварь шипит: «Стыдно там стоять, все смеяться будут и пальцем показывать». И ведь пасует младенец пред тварью, украдкой втягивает сопли в пищевод, убивая в себе Боттичелли, Энди Уорхола и Че Гевару.

В школе — то же самое. Прыгнет тварь из пенала под воротничок белой рубашки, прокусит затылочную кость и пойдет сосать из мозжечка сироп отваги с медом противоречия. И в институте не помилует, и на работе, и в гостях, и в ЗАГСе, и на смертном одре.

Три часа ожидания в Москве я гнал от себя «тварь дрожащую». Смело чадил в туалетной кабинке ибо знал верхнюю рамку наказания — 500 рублей. Написали бы: «Тысяча» — все равно курил бы, и десять тысяч — не напугают.

Однако в тайских сортирах накарябано «No smoking». Подлее не придумаешь.

Чем грозит циничное поправление закона? Расшифруйте, сямские божки, сделайте милость. Но... молчат зверомордые апсары, и это страшнее страшного. Что ждет жителя страны борща и пампушек, если тот решится нырнуть в белоснежную клетушку с журчащим унитазом, запрется, скукожится, щелкнет зажигалкой и... Что??? Явится седовласый старец с нимбом над головой и погрозит строптивцу тонким пахнущим ладаном пальцем? А может, в кабину ворвутся трое здоровенных тайцев, скрутят раком и отхлещут по пяткам ротанговой палкой?

Радуйся, торжествуй, подлая тварь! Я два часа не смел нарушить запрета. (Пугливый фаранг изменил себе, а значит, способен в лихую годину предать страну, убеждения и народ.)

И вот наконец стеклянные двери аэропорта распахиваются. Затравленный гость не видит трехэтажных хайвеев, его не дивят ни поблескивающие вдали купола пагод, ни огромный портрет короля Пхумипона Адульядета Рамы-9, ни цепочка живописных прудиков со спящими по водной глади легкими рыбацкими лодчонками. Его Грааль — самая заплеванная в мире урна, обсаженная в кружок суетливыми клещеногими китайцами, бледными безбровыми немцами в мятых шортах и нашими до одури красивыми соотечественницами с надменным взглядом (*а вот и не трахнешь*) и золотой казной на новеньких гуттаперчевых грудях. Мы — такие разные в этом мире, и только на квадратных метрах курительных зон равны все расы и сословия. Вся хренова цивилизация кружится вокруг столбца с хромированной решеткой и десятком раздавленных, как рабы, окурков.

А где же та, что прилетела со мной? Моя любовь, несмотря на заложенность носа и ушей, хочет курить не меньше моего. Но куда больше никотиновой ломки она боится прозевать рейс на сказочный остров Пхукет — финишную точку нашего путешествия, и потому мечется среди десятков информационных стоек.